

ГОСТЬ

О ШКОЛЕ, ТВОРЧЕСТВЕ И ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СОБОРНОСТИ

На вопросы редакции «Основ православной культуры» отвечает Марина Саввиных — замечательный педагог и писатель из Красноярска.

— *Марина Олеговна, как Вам удаётся совмещать руководство лицеем, журналом, регулярно писать статьи, рассказы, стихи, не забывать о преподавательской практике?*

— На самом деле, к сожалению, не удаётся. В этом году руководство Красноярским литературным лицеем я передала другому человеку. Хотя, вообще-то, я уверена, что образовательные практики, подобные этой, как художественные произведения, имеют начало, развитие, кульминацию и конец. Так было с Царскосельским Александровским лицеем, высший результат деятельности которого приходится как раз на завершение первого образовательного цикла — с 1811-го по 1817 год. Так было с толстовской школой в Ясной Поляне. Так происходит со всякой

авторской школой. Перед Красноярским литературным лицеем его основателями была поставлена определённая задача. Сегодня я могу с удовлетворением констатировать, что она достигнута: за время работы лицея мы выпустили несколько десятков молодых людей, которые уже сегодня заметно влияют на культурную политику региона, а некоторые из них — и шире, и дальше. Ситуация в России и в мире сегодня кардинально иная, чем 15 лет назад. Новые цели в тех социально-экономических условиях, в которых наш лицей находится сегодня, реализовать невозможно. Я полна решимости создавать другие образовательные площадки, так сказать, с учётом вызовов новейшего времени. Что же касается «старых стен» — надеюсь, новое руковод-

ство сможет с максимальной эффективностью использовать наше наследство.

— *Вглядываетесь ли Вы со стороны в свою деятельность как руководитель Литературного лица, крупнейшего журнала Сибири, преподаватель?*

— В сущности, всё, что я делаю: журнал, собственное творчество, преподавательская работа, — грани одного и того же духовно-интеллектуального процесса. И, разумеется, я рефлектирую его постоянно. Это ведь так очевидно — уклоняешься ли ты с пути, по которому должна следовать, или держишь курс. Если всё правильно — следует помощь свыше. Если помощи нет — значит, что-то не так. С возрастом чутьё обостряется, на посылы и ответы Всеобщего (Всевышнего) реагируешь быстрее.

— *Откуда Вы берёте силы? Ваш жизненный источник, каков он?*

— Мы черпаем силы в том едином, в котором укоренены. Мы — нераздельные и неслиянные. Великая мысль о всечеловеческой соборности... Наверное, глубже и многосмысленнее, чем русские философы XX века, её никто не продумал и не выразил.

Подлинное православие, по моему, вот на этой соборности и держится. Глубина и высота.

Мощь этой вертикали сопоставима только с нарастающей мощью природных катаклизмов на стыке эпох. И без тепла и живого трепета горизонтали, доступности и определённости повседневной церковной жизни выдержать такую мощь могут не многие... Я не церковный человек, но необходимость церковной жизни для разумного существа, занятого ежедневно заботами «жизнепрохождения» (не помню, кому этот термин принадлежит, но он мне очень нравится), признаю и понимаю.

— *Расскажите о значимых событиях в Вашей духовной жизни.*

— Первое событие — я сознаю себя и чувствую, что я не просто так, а зачем-то. Года в четыре, наверное. Слышу поющие голоса — и подпеваю им. Пока не догадалась, что старшие как-то не очень доброжелательно относятся к моей музыке, пела много, громко, вслух... потом музыка и пение перешли во внутренний мир, что, собственно, и обозначило для меня его, внутреннего, существование.

Я училась уже в институте, когда в нашем доме появилась Библия, купленная отцом неведомо где, за какие-то нереальные деньги. Очень толстая книга. Я начинаю её листать и буквально столбенею

ГОСТЬ

от поэтического накала многих её страниц. Екклесиаст. Откровение Иоанна. Чуть позднее — Книга Бытия, Исход. А ещё позднее понимаю, что это баптистская Библия, переведённая на русский, видимо, с английского. Восемидесятые годы прошлого века. Иной путь к Священному писанию тогда мне был не доступен.

Хотя... лет в 15–16, томимая жаждой познания, я забралась в хранилище самой близкой к нашему дому городской библиотеки — маленькой, но полной бесценных сокровищ: на полках, где пылились невостребованные тома философских серий, я «откопала» Фейербаха — «Историю новой философии от Бэкона Веруламского до Бенедикта Спинозы». В нескольких томах. Помню тот азарт, почти сладострастный, с которым я эти томики поглотила. Так, между прочим, было положено начало моей рукописной библиотеке. Я «прорабатывала» текст, как трактор целину, переписывая от руки самое важное, пересказывая своими словами то, что поддавалось пересказу, кружками, квадратиками и стрелками пытаюсь схватить логику автора. Замечу, кстати, никакими школьными программами эта бурная деятельность предусмотрена не была. У нас, конечно, было лучшее в мире, но всё-таки отчаянно скверное гуманитарное обра-

зование. А книжки издавались — под шумок — такие!!! Фейербах меня толкнул, во-первых, к всевозможным гностикам... к Бёме, Сведенборгу, Кьеркегору... потом, конечно, к Гегелю, Шеллингу, Фихте... я училась в Педагогическом институте, где эти имена назывались, о них что-то говорилось... но это название и говорение ничего общего не имело с моим собственным поиском. И — слава Богу! Я шла своим путём, ведомая каким-то таинственным ориентиром, с абсолютной точностью указывавшим мне, где своё, а где чужое.

И вот — уже в начале 90-х — судьбоносное открытие. Лосев. Его мысль, его логика, его античность... До сих пор я страстный адепт эллинского духа. Убеждённый неоплатоник.

Лосев дал мне ключи к русской религиозной философии, я причастилась ей — благоговейно, искренне и навсегда. Соловьёв — с его Софией. Флоренский — с его космизмом. Бердяев — с его психологизмом. Ильин — с его эстетикой. Вышеславцев — с его эротикой. Отец Александр Мень — с его экуменической страстностью. Наверное, странно, но для меня, «филологической девы», вся поэзия и проза были заранее модулированы высшим философским посылом. Без него никакой «моей

поэзии» не существует. «Увы» или «ура» — не ведаю.

Повинуясь наитию женскому,
До мучительной боли в висках —
Я тоскую по Павлу Флоренскому,
Убиенному на Соловках.
И не то, что б иссякло терпение
За какой-нибудь горестный час, —
Просто знаю: сие убиение
До сих пор продолжается. В нас.
Пусть всезрящего ока вселенского
Не смущает ничья слепота,
Но жемчужное слово Флоренского
Не достанется нам — никогда,
Потому что подобные таинства,
Как пречистая русская речь,
Лишь такую ценой обретаются,
Что дешевле и голову с плеч.

Ну, а потом... позднее... Экзистенциализм. Камю. Сартр. Особенно — Хайдеггер.

Бомба, взорвавшая весь предшествующий опыт, — Бахтин. Его диалог, его «карнавал».

До сих пор выкарабкиваюсь из-под этих руин... Но — тут же тончайший, ласковый Бубер, теплейший, обнадёживающий Розеншток-Хюсси... и вся европейская христианская диалогика. И тут же — Тейяр де Шарден. «Омега». И — чуть спустя — Бодрийяр...

По-моему, всё очень типично.

— Вы встречались с огромным количеством людей неординарных. Кто и когда произвёл на Вас самое памятное впечатление?

— Первое, самое значимое — Юнна Петровна Мориц.

Мы — волею истории — субъекты переоценки ценностей второй половины двадцатого века. Убеждена, кровоток великой русской поэзии, создаваемой богородичной энергией и отмеченной именами Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, в полной мере восприняла лишь одна современница наша, женщина-поэт — Юнна Мориц. Рядом с ней всё прочее — не стану повторять известные имена, — всего лишь подтанцовки на гламурном подиуме, неважно, «совковом» или «актуальном»... этому всему — мерзость кощунниц, самоименование коих ни по-русски, ни по-английски считаю ниже своего достоинства воспроизводить, — самое естественное продолжение, а может быть, вполне-таки босховский финал.

Эта великая женщина так много значит и в моей личной духовной истории, и в той эстетике, которая неизбежно будет диктовать новые горизонты в культуре XXI века, что... дай Бог ей здоровья и верных читателей на все времена!

Второе. Виктор Петрович Астафьев. Человек многогранный, противоречивый, в чём-то иной раз очень трудный для окружающих, но до конца верный своему глубинному чутью жизненной прав-

ГОСТЬ

ды и художественной необходимости.

Когда я послала Юнне Петровне свою первую книжку с предисловием Астафьева, она в ответном письме весьма иронически отозвалась об авторе «Последнего поклона» и «Царь-рыбы». А ведь на самом деле они очень похожи. Главнейшей, по-моему, для художника чертой — истовостью нравственного самостояния. Быть самим собой — во что бы то ни стало, всегда, даже если весь мир против тебя, если прежние друзья плюют в твою сторону. Быть самим собой — значит вслушиваться в то, что диктует тебе твоя совесть, твоя religio, связь с прошлым, связь с вечным.

Большая радость для меня сейчас — дружба с «вологодской» дочкой Астафьева — Анастасией Викторовной, Асей, талантливейшей писательницей, о которой мы ещё услышим с вами, дорогие друзья, — и не раз.

Огромную роль в моей судьбе сыграла встреча с удивительным и тоже очень противоречивым человеком — философом, педагогом, публицистом и поэтом Сергеем Кургановым. Благодаря ему я, собственно, и познакомилась с диалогикой, с теорией и практикой Школы диалога культур. Можно сказать, что Сергей Юрьевич впервые по-настоящему открыл

и развил во мне учителя, хотя в пору нашего знакомства за моими плечами был уже весьма приличный педагогический опыт. Результатом нашей общей работы стал не только Красноярский литературный лицей, над проектом которого мы ломали головы вместе, но и мои первые существенные опыты в прозе и драматургии. Мы написали вместе повесть о старшеклассниках — «Импрессионисты», вещь, по форме, кажется, не имеющую аналогов, полифоническую в полном смысле слова. А сколько стихов моих навеяно нашими бесконечными дискуссиями, согласиями и разногласиями, ссорами и примирениями, встречами и разлуками...

В 2007-м году, после скоропостижной смерти главного редактора уже тогда очень известного в русском мире литературного журнала «День и ночь» Романа Солнцева, мне пришлось возглавить редакцию. И, помимо всего прочего, деятельность на посту главного редактора дала мне множество новых связей — литературных, общественных, просто дружеских. Среди моих друзей — талантливый поэт и прозаик, филолог и издатель, предприниматель и подвижник, президент Международного Союза писателей XXI века, Евгений Степанов, потрясающий художник слова, поющая и

звонящая душа, Владимир Алейников, бунтарь, трибун и тонкий, блестящий собеседник, куратор литературного портала «Мегалит», изумительный поэт, Александр Петрушкин... и — я могла бы долго перечислять; слава Богу, друзья, единомышленники, сподвижники — мой оплот, опора, мощный воздушный поток, помогающий держаться «на крыле».

— *Иван Ильин писал: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца». Как бы Вы прокомментировали его высказывания?*

— Достоевский говорил о всемирной отзывчивости русского человека. Это как раз и прежде всего — отзывчивость сердца. Мы располагаемся и располагаем к себе, скорее, эмпатически, чем рационально; постигаем вещи, сопереживая, влюбляясь в предмет познания и страстно предаваясь ему. Дружить для нас означает самозабвенно любить, вплоть до «жизнь своя за други своя». А любить — значит вслушиваться, всматриваться, вбирать, обнимать душой. Русский человек по природе своей чужд эгоцентризму.

Русский поэт скорее, ухо, нежели субъект самовыражения. «Секс» и «любовь» для русского сердца — не только разное, но как бы вообще явления разных бытийных плоскостей, которые могут, конечно, пересекаться, но совсем не обязательно. Русская любовь — широкая, как небо. И мощная, как грозовой разряд. Потому-то Россию и «умом не понять», и «аршином общим не измерить».

— *Что ожидает человека, неустанно живущего сердечной верой?*

— Бесконечный труд. Несущий радость через самоотречение, чувство успеха — через преодоление непреодолимого, осознание собственного достоинства — через достижение недостижимого. Радость дарить, строить, растить, созидать. Готовность к тому, что тебя не поймут, будут гнать, презирать, отнимать надежду, — и к тому, чтобы выполнять должное, сообразуясь только с голосом собственного сердца. Это — счастье. То самое — самое верхнее счастье, которое на своих «нижних этажах» нередко выглядит как неудача, страдание и провал.

Беседовал Александр Орлов.